

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Валюродский
КОМСОМОЛЕС

№ 59 (6166)

20 МАЯ

1987 ГОДА

СРЕДА

Цена 2 коп.

...Долго скитался князь Олег по иным странам. Наконец, направил путь свой в знаменитую страну Тавриду, в пресловутый город Корсунь. А отътоле кораблем пошел в Греческую землю. Там на пути своем вышедши из корабля в дремучем лесу наехал он на разбойников, грабивших тут проходящего купца каравана.

Князь Олег, видя такой грабеж, встал на сторону купца и вступил в единоборство с атаманом разбойников, которого он убил и разогнал всю шайку. Таким образом, избавил он купца и его служителей от разбойников, развязавши всех связанных.

Спасенный от гибели своей и всего достояния своего купец предложил князю Олегу щедрую награду за спасение своего всего богатства, но князь от награды отказался, а пожелал только узнать, кто он, отколе и куды едет. Купец сказал, что он родом из Великого Ростова по имени Русин, «иду ис Царяграда к Хозарам с торгом», где он живет подолгу в городе Корсуне, куда он приносит дань хозарам с Ростовско-Меряския земли и о пребывании своем в Корсуне рассказал следующее.

МИХЕЙ-РУСИН, РОСТОВЕЦ.

Лета от сотворения мира 6366, от рождения Христова 858 лет.

Он был житель города Ростова, званием купец, вел меновую торговлю в Корсуне и в Греции гузенными своими произведениями — мехами, кожами и медом. И там произвешивал их произведения. Теперь он идет через них на Русь и вез с собой богатырския различные доспехи и оружия, как-то: различные колонтаря, мечи, шелома, латы, кольчуги и другие военные принадлежности. «Здесь у меня есть и дорогая различныя товары, как-то: камения самоцветныя, жемчуга и бисеры дорогие, поставки и ~~дьяволе~~ слово неразборчиво.—Ю. Б.] шолковые. При торговых своих делах исправляю еще и мирские дела. Со мной посылают дань, платимую Ростовскою областью хозарам по белке и зеверице с дыма.

В настоящую путину мою случилось со мною дивное событие в моей жизни. В это самое время по просьбе хозарского кагана пришли из Царяграда присланная императором Михаилом Третьим этого имени учителя христианства, два родных брата Кирилл и Мефодий, для прения в христианской вере с самарянами иудейскими. Они высадились на Крымском берегу и прибыли в город Херсон, остановились тут на некоторое время, отътоле пошли в столицу кагана. Там как послы могущественного византийского императора они были приняты каганом с почетом, и, сидя за столом, уставленным яствами и питьями, они были окружены мусульманскими и еврейскими мудрецами, в том числе от славяно-русов, и Русин вел с ними беседу.

[...]Назначены были дни и очередь, кому и с кем

вести прение. Первое состязание учителям христианства назначено было вести прение с самарянами.[...]. Словопрения продолжались много дней, все более и более умножали любознательность мою, которая побудила меня иметь лично в дом их, где они витали. Там просил я уяснить мне слова пророков, которых он упоминал и о ком это они так говорили. Объяснения этих пророчеств привели меня к тому, что и я сделался христианином с именем Михея. За это я научил и славянскому языку, которого они не знали. На этом наречии составили письмама славянские азбуки, по которой первого моего выучили читать и писать».

По окончании Михеем своей повести он вынимает из заветного своего хранилища драгоценное жемчужное ожерелье, украшенное многими разноцветными камнями, и, подавая оное князю Олегу, говорит: «Это ожерелье ты должен принять от меня на память обо мне. За это ожерелье заплатил великую цену, и то малую часть его цены, и не продам его ни за какую цену. Купил я его в Царяграде у одного еврея, а тот купил его в Риме у любимца папы римского. Любимцу этому досталось после какой-то княгини славяно-русской, которую там сожгли на костре. Об этом одни говорят, что она за то сожжена, что не захотела быть наложищей папы, а другие говорят, что она упорно хранила языческую веру отцов своих, не хотела быть христианкою. На память о такой княгине я и купил это ожерелье, которое носила молодая и красивая неустрашимая героиня, как мне рассказывал один заморский гость слышанное от духовника короля франков Карла Великого. Мне учителя христианства о ней говорили, что «и во языцех делаяй правду приятен есть богу». Вот почему я дорожил этим ожерельем, которое носила такая лучница. Может быть, она пострадала по красоте и молодости своей за целомудрие. Тебе одному как достойному наследнику моего имени дарю это ожерелье».

Князь Олег, принимая это ожерелье от Михея, в кое пришел изумление и жалость, когда признал его за ожерелье супруги брата своего Катулуса. Смотри на него, он горько плакал о ея смерти и о судьбе брата своего. И много рассказал Михею о владетельнице этого ожерелья, подарив супругу ея.

Такое открытие заставило скоро возвратиться князя Олега к брату своему Катулусу с такой печальной для него вестию и его подарком.

На пути своем князь Олег в Моравии случайно встретился с учителем христианства Кириллом. Он имел с ним продолжительную беседу, в которой между прочим сказал, что он будет князь земли Русской и посетит отечество Михея-Русина.

[Рукопись Государственной публичной библиотеки. Собр. А. А. Титова, № 4131, с. 302, 303—310].

РОСТОВО-БЕЛОЗЕРСКАЯ земля, земля веси, мери и руси, издавна была богата сказаниями, преданиями, сказками, историческими песнями о древних русских богатырях и героях, о князьях и княгинях, о боярах и простых людях, вписавших подвигами, мужеством свои имена навечно в летопись истории. Города Русской земли Белоозеро и Ростов Великий известны по письменным источникам с середины IX века.

Молого-Шекснинский путь связывал Ростово-Белозерский край с Великим Новгородом, а Ростовский путь — от Ростовского озера в Которость, Волгу и Шексну — соединял Белоозерье с Владимиром, а потом и со стольной белокаменной Москвой. Гусяры Ростово-Белозерского края пели о древних новгородских героях и земледельцах, купцах и князьях, героях Куликовской битвы, основателе Кирилло-Белозерского монастыря Кирилле. Помнили они и тех великих учителей, что дали русскому народу азбуку, грамоту.

Имена славянских первоучителей Константина — Кирилла Философа и его старшего брата Мефодия — издавна были окружены на Руси любовью и уважением. Создатели славянской азбуки заслужили глубокую признательность русского народа. Благодаря кириллице стала возможна и великая русская литература: она берет истоки в конце далекого X века. В преддверии славного тысячелетия русской культуры, оглядываясь на пройденный нашей литературой путь, нельзя не вспомнить двух выдающихся сынов болгарского народа.

Немало оригинальных литературных произведений солунских братьев, а также сочинений, им приписываемых и о них рассказывающих, сохранила нам древнерусская письменная культура.

Хуже обстоит дело с изустной традицией. Восточнославянский фольклор почти не сохранил кирилло-мефодиевских преданий. Это тем более странно, что славянские первоучители в 860—861 годы побывали в Южной Руси: в Крыму и в Хазарии, где они выполняли особую церковно-политическую миссию византийского императора Михаила III.

Во время пребывания в Херсонесе Таврическом Константин и Мефодий встретились с русскими людьми и познакомились с их языком, что в дальнейшем облегчило им создание славянского алфавита. В этой связи бесполезно вспомнить, что еще академик В. И. Ламанский утверждал, что, так называемая «Хазарская миссия», была по существу «Русской миссией», так как, по его мнению, не хазары, а руссы в 860 году обратились в Константинополь с просьбой о крещении и патриарх Фотий избрал именно солунских братьев для этой цели.

Одно любопытнейшее Ростовское предание о «Хазарской», или «Русской» миссии Кирилла и Мефодия открылось нам совсем недавно в Мусин-Пушкинском сборнике сказочных повестей, озаглавленном так: «**Книга о славяно-русском народе, о великих князьях русских и ростовских, отколе корень их произыде на Руси**», другой вариант заглавия: «От Ноя праотца до великаго князя Рюрика... книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их». Мусин-Пушкинский сборник сказок и преданий дошел до наших дней благодаря крестьянину села Угодич Ростовского уезда Александру Яковлевичу Артынову, историку, этнографу, литератору, собирателю фольклора, спасшему эту рукопись от полного забвения в середине — второй половине XIX века.

Мусин-Пушкинский сборник сказочных повестей и преданий создавался приблизительно между 1655 годом и 1676. В трех его частях (первая часть вводная и содержит родословную книгу) содержалось 120 сказочных повестей, рассказывающих в духе Бовы о жизни и приключениях русских князей «от Ноя до Рюрика». «Для этого они (т. е. Мусин-Пушкины — Ю. Б.), — пишет А. Я. Артынов, — приобретали различные рукописные

книги и (собирали—Ю. Б.) различные сведения о России и о начале славяно-русского народа библейского происхождения и других поколений народов, как самого первого русского князя Рюрика, так и современных ему князей Ростовских...».

Мусин-Пушкинский сборник не был до сих пор предметом специальных исследований знатоков фольклора и древнерусской литературы. Между тем, сказочные повести Мусин-Пушкинского сборника заслуживают серьезного источниковедческого и историко-литературного изучения. Дело в том, что подлинная рукопись Мусин-Пушкиных XVII в., «которая, по словам А. Я. Артынова, была более 500 страниц, в естественную меру, на грубой желтоватой бумаге, и писана кудреватым почерком не одной руки, с картинками и заставками весьма искусной руки», к сожалению, не сохранилась.

В 1853 году в Угодич в гости к А. Я. Артынову приезжал из Петербурга секретарь имп. Археологического общества И. П. Сахаров. Он видел подлинник Мусин-Пушкинского сборника и «шутя ее назвал Омировой Илиадой славяно-русского народа». Мусин-Пушкинский сборник сказочных повестей в том виде, в котором он сохранился, т. е. в копии-пересказе Артынова, заслуживает самого внимательного источниковедческого и историко-литературного исследования.

* * *

К КАКОМУ ВЕКУ следует отнести этот текст? Современное состояние источников—одна-единственная копия-пересказ Мусин-Пушкинского сборника—не позволяет отделить «слой текста» XVII века от «слоя текста» XIX века. Нельзя забывать, что подлинный текст XVII века был пересказан и литературно обработан А. Я. Артыновым. Последний не пощадил языка подлинника, но, очевидно, сохранил ядро и канву сюжета старой повести.

Предание это не имеет параллелей в известных нам произведениях древнерусской литературы и в памятниках фольклора. Оно уникально. Михей-Русин в известных печатных источниках не упоминается.

Впрочем, имя Михея-Русина, старейшины села Угодич в IX веке, встречается на страницах Трехлетовской рукописи XVIII—начала XIX века — толстого сборника, содержащего Ростовскую летопись от библейских времен до царствования Ивана Грозного под названием «Книга. А в ней собрание всех живущих на лице вся земли племен и народов, отколе корень их произыде, о образе и подобии их». Рукопись принадлежала Ярославскому купцу Е. В. Трехлетову и была доступна для работы А. Я. Артынову.

Имя Михея было и в Хлебниковской рукописи XVII в., ...на 600—700 листах, принадлежавшей ростовскому купцу П. В. Хлебникову и доступной в то время А. Я. Артынову. Этот сборник... содержал также Ростовскую летопись от библейских времен до XVII века. А. Я. Артынов скопировал большую часть этой летописи. В ней так говорилось о Михее: «И бяше русиновския корабли, соединявшеся с греческими, прибыли к берегам Италии. А иннии стоаше во дворе его, в ту сушу богаче, его же ископа и нарече его, якоже сам завящесе, сиречь «Михей—Русин». И ездяше от него мнози ладии, промышленяюще сюду и сюду во вся страны».

Большая часть повести или предания о Михее-Русине соответствует по содержанию болгарскому литературному памятнику—Паннонскому пространному житию Константина-Кирилла Философа, его VIII—XI главам. Современная наука приписывает его авторство знаменитому ученику солунских братьев Клименту Охридскому (издано: София, 1979, с. 95—103).

Не исключено, что Мусины-Пушкины, составители Ростовского предания о Кирилле и Мефодии, пользовались какими-то другими, неизвестными нам источниками о прении Константина-Кирилла Философа с хазарами. В распоряжении А. Я. Артынова их быть не могло. Так как он сам не ссылается на такие источники и наука XIX века подобные источники были также неизвестны.

История ростовского купца излагается в повести так: Русин был настолько увлечен словопрением Кирилла (очевидно, он понимал греческий и еврейский языки, на которых велась беседа), что однажды решил прийти в дом, где остановились славянские философы для того, чтобы получить объяснение одного из непонятных ему пророчеств. В конце концов Русин сделался христианином: он принял крещение от Константина и Мефодия с именем Михея.

Не трудно заметить, что в Ростовском предании Русин-Михей занимает место того русского человека Пространного жития, с которым солунские братья познакомились в Херсонесе. «И обрет же ту Евангелие и Псалтырь рушкым писменем писано, и человека обреть, глаголюше тою беседою, я беседовавъ с ним и силу речи приемь, своей беседе прикладае различие писмень, гласнаа и съгласнаа и къ богу молитву дръже, въскоре начать чисти и сказовати». Как и человек из Херсонеса, Михей-Русин отблагодарил первоучителей за внимание: «научил их славянскому языку, которого они не знали, на этом наречии составили письмена словенские азбуки». Составители Ростовского предания, очевидно, были плохо осведомлены в том, что Кирилл и Мефодий были болгарскими из города Солуни и потому в совершенстве знали родной язык своей матери (их отец был грек).

Литературный вымысел в повести в самом конце связывает его текст с предыдущей сказочной повестью Мусин-Пушкинского сборника — «князь Катулус Мудрой»... В повести о Михее рассказывается о том, что Михей вынимает драгоценное жемчужное ожерелье, которое он купил в Константинополе, и дарит его князю Олегу. А тот признает в нем ожерелье Софарисы, супруги своего брата Катулуса, матери князя Рюрика.

(По легенде, мать князя Рюрика Софариса была захвачена в плен франкскими воинами Карла Великого и отвезена сначала в Лютецию, а потом в Рим. Там она и погибла, замученная римским папой Львом III. По преданию, князь Рюрик впоследствии жестоко отомстил франкам за свою мать. См. рукопись ГПБ, собр. А. А. Титова, № 4131, с. 297—303 и 313—314).

Князь Олег поспешно возвращается к себе домой на берега Балтийского моря в землю Полабских славян. На своем пути он случайно встречает в Моравии Константина-Кирилла Философа и узнает от него, что будет князем Русской земли.

На этом мы ограничиваем изучение Ростовского предания по артыновской копии-пересказа Мусин-Пушкинского сборника, возможного памятника русской повествовательной литературы второй половины XVII века.